

Наяўнасць прыслоўя *тады* ў рэтраспектыўнай тэкстаструктуры (2) адносіць дзеянне да пэўнага моманту ў мінулым: да святкавання ночы на Купала, калі Прадыслава сустрэлася з Раманам, будучым каханым. Аднак варта адзначыць, што перфектнае значэнне лексічна залежна ў большасці выпадкаў і таксама, як і аорыстычнае, абумоўлена кантэкстам; такім чынам, можна сцвярджаць, што абедзве гэтыя формы мала чым адрозныя [1, с. 102].

Увядзенне ў рэтраспектыўны план можа быць выражана і прошлым незакончаным паўтаральнага дзеяння [1, с. 80] з наяўнасцю розных прыслоўяў часу, якія паказваюць на рэтраспектыўнасць: (3) **Не раз чуў Іаан, як маліліся за яе людзі.** <...> (В. Іпатава); (4) **Некалі ў вольны ад работы час займаўся гэтым.** (В. Іпатава)

Разгледзім наступныя тэкстаструктуры: (5) **Прадыслава аднойчы бачыла, як пачыналася наводка: нерухомая, скаваная рака аж выгіналася — адтуль, з яе глыбіняў, узнімалася магутная неадольная сіла.** (В. Іпатава); (6) **Казаў неяк бацька, што палымяная кроў дзедава ва ўсіх іх бушуе, ад таго бываюць нязгоды паміж Давыдам, Глебам, Георгіем — ды і іншымі.** <...> (В. Іпатава)

Як адлюстравана у дадзеных прыкладах (5, 6), рэтраспекцыя можа быць экспліцыравана прошлым незакончаным абагульненага дзеяння або прошлым аорыстычным [1, с. 84] з наяўнасцю лексічных паказальнікаў часу, у дадзеным выпадку гэта прыслоўі «аднойчы», «неяк».

Такім чынам, прааналізаваўшы граматычныя сродкі выражэння рэтраспекцыі ў мастацкім тэксце, мы прыйшлі да высновы, што часам недастаткова адной толькі формы дзеяслова, каб паказаць зрух у паступальным руху часу. Рэтраспектыўны план можа быць дапоўнены лексічнымі адзінкамі з семай мінулага або са значэннем паўтору дзеяння.

ЛІТАРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.

И. В. Дмитриева (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НУЛЬМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих типологиях семантических предикатов, начиная с одной из первых в работах Л. Теньера, выделяется группа безвалентных / авалентных (в терминологии Л. Теньера), или нульместных (в терминологии В. В. Богданова) предикатов. Как показывает само название этой группы предикатов, в семантической структуре предложений они выступают без сопровождения семантически наполненных номинативных элементов. В английском языке это соответствует предложениям с безличным подлежащим *it*. Например, *It snows, It rains, It pours*, где формальное подлежащее служит лишь заполнению обязательной синтаксической позиции английского двучленного предложения. Ядро этой группы составляют предикаты, обозначающие разно-

образные климатические процессы, что послужило основанием к выделению семантической группы климатических, или метеорологических (в терминологии М. Хэллидея), предикатов. Отсутствие номинативных элементов в предложениях с нульместными предикатами вполне естественно, поскольку для метеорологических явлений, являющихся амбиентными процессами, трудно представить некую сознательную и активную силу, выступающую в качестве первопричины этого явления. Эти процессы организуют ситуации, разворачивающиеся сами по себе, в них не предполагается участие субъекта действия или объекта воздействия или носителя состояния. (Позволим себе отвлечься от реалий XXI в. и влияния человека на климат и экологию.)

При этом словарь английского языка и разнообразные текстовые употребления показывают, что исходно климатические глаголы могут называть не только амбиентные метеорологические процессы. Формализации новых значений глагола служит изменение комплементации предиката в рамках предложения. Появление знаменательного слова в позиции подлежащего сигнализирует о возможном переносе всей ситуации, описываемой предложением с исходно нульместным предикатом, в иную денотативную сферу, в которой ситуация организуется материальными или ментальными процессами, и ожидаемо присутствуют участники ситуации.

Например, в *I had been a fool letting him snow me with his big ideas* (Collins Cobuild) появление личного местоимения *him* (т. е. появление семантического субъекта) уже свидетельствует об изменении в семантике глагола и о возможном выходе из климатической сферы. Дальнейшее синтагматическое развертывание и, в частности, местоимение *me* в позиции дополнения (т. е. появление семантического объекта) указывает на воздействующий характер процесса, называемого глаголом, а предложное дополнение *with his big ideas* способствует конкретизации процесса как ментального воздействия, что определяется отнесенностью существительного *ideas* к ментальной сфере. В совокупном результате это все фиксирует изменение в семантике глагола, который в данном употреблении является ментальным предикатом. Следует отметить, что если в актантную рамку ментальных предикатов, как правило, входят экспериенсер ('воспринимающий' – *experiencer*) и феномен (*phenomenon* – терминология А. Downing), как в *Tom knows the answer*, то воздействующий характер процесса позволяет охарактеризовать номинативные элементы анализируемого употребления как субъект и объект. Допустимо предположить, что в случае изменения 3-го номинативного компонента синтаксической структуры, изменится и семантика предиката. Так, в модифицированном варианте *I had been a fool letting him snow me with his grief* отнесенность существительного *grief* к психоэмоциональной сфере станет основанием к определению предиката как глагола психо-эмоционального воздействия. На воздействующий характер процесса *rained* в предложении *The police rained blows on rioters and spectators alike* (Collins Cobuild) указывает появление субъекта *police* и дополнения *rioters and spectators*, который вводится предлогом *on*, и предикат *rained* является глаголом физического воздействия.

В последующих примерах употребления глагола *pour* демонстрируют значения перемещения в пространстве и вербального информирования. В предложении *Any day now, the Northern forces may pour across the new border ...* (Collins Cobuild) формированию значения предиката *pour* как глагола перемещения в пространстве служит локативный компонент *across the new border*. В то время как в *Dolores poured (out) the story of her ring* дополнение *story*, семантически относящееся к сфере вербальной коммуникации, позволяет определить предикат *poured* как глагол говорения / вербального информирования.

Таким образом, совокупность элементов синтаксической структуры и семантические особенности номинативного и / или сирконстантного окружения предиката способствуют формализации вариативных семантических значений нульместных предикатов.

М. Б. Добровольская (ЗНУ, Запорожье, Украина)

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ

Ирония является одним из средств выражения имплицитности в художественном дискурсе, а также характеризуется завуалированностью: критичность и колкость в ней затемнены, но в то же время граничат с пренебрежительностью и отрицательной оценкой объекта иронии, его действий или качеств. При этом иронизирующий как бы дистанцируется от объекта иронии и косвенным образом демонстрирует свое превосходство. Хотя ирония дискредитирует объект, ироническое высказывание не в такой степени неприятно адресату, чем прямое, имеющее то же значение. Таким образом, ирония является таким стилистическим приемом, который позволяет автору тонко передавать характеристику определенных персонажей.

На синтаксическом уровне ирония реализуется с помощью различных синтаксических конструкций – «вклинивания», вводные конструкции, риторические вопросы. Ирония может рассматриваться как языковое средство, позволяющее докладчику выразить свое отношение к изображаемому явлению, придать субъективно-оценочную окраску своей речи. Проанализируем следующий пример:

“Do you think Abe can keep a secret?” He spoke with incisive irony. “Tell a secret over the radio, publish it in a tabloid, but never tell it to a man who drinks more than three or four a day” (F. S. Fitzgerald. «Tender is the Night») ‘Неужели вы думаете, Эйб способен сохранить секрет? Он произнес с едкой иронией. Сообщите тайну по радио, напечатайте в бульварной газете, только не доверяйте ее человеку, который пьет больше трех-четырёх порций в день’.

Этот пример достаточно ярко выражает иронию посредством риторического вопроса. Мы видим намерение автора передать неспособность Эйба сохранить что-либо в тайне.

Иронический смысл представляет собой ситуативную импликацию – вывод, к которому реципиент приходит в ходе прагматической интерпре-